

ГАЛИНА МУРСАЛИЕВА

ДЕТИ В СЕТИ

Шлем безопасности
ребенку в Интернете

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9

ББК 88.5

М91

Издано в авторской редакции

Мурсалиева, Галина.

М91 Дети в сети: шлем безопасности ребенку в Интернете / Галина Мурсалиева. — Москва : Издательство «АСТ», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-099388-8.

Мы всегда боимся за своих детей: когда они не отвечают на телефонные звонки, опаздывают или поздно возвращаются домой...

Но что подстерегает подростка в свободном плавание по просторам Интернета? Вы никогда не узнаете, играет ли он в простые компьютерные игры или в игры сети, которые смертельно опасны в реальности...

Перед вами — результат независимого журналистского расследования о том, что поджидает подростков в сети.

Помните, у вас всегда есть возможность предотвратить беду — научитесь читать знаки, подсказывающие, что на вашего ребенка морально воздействуют, и помогите ему выпутаться.

УДК 159.9

ББК 88.5

8-800-2000-122

**Единый общероссийский номер
детского телефона доверия.**

**Анонимная психологическая помощь
для детей, подростков, родителей.**

**Бесплатно со стационарных
или мобильных телефонов**

ISBN 978-5-17-099388-8.

© Мурсалиева Г.

© ООО «Издательство АСТ»

Бросьте все и читайте!

Этой книгой и газетным материалом, который лег в ее основу («Группы смерти», «Новая газета» № 51 от 16 мая 2016 года), Галя Мурсалиева совершила подвиг. Галя совершила его не одна — а с экспертами, волонтерами и, конечно, родителями погибших детей. Они объединились в добровольную службу выяснения причин и обстоятельств суицидов подростков.

Многие из родителей, переживших трагедии, безжалостно анализировали свои поступки и скрупулезно, мучительно, на грани возможностей человека, восстанавливали все обстоятельства, приведшие детей к уходу из жизни.

Добровольному или искусно смоделированному? Вы найдете в этой книге жесткий, доказательный ответ.

Его еще не было в знаменитом Галином тексте, который прочитало несколько миллионов человек (только в газете около трех миллионов). Чего скрывать — тогда редакция очень торопилась — мы хотели даже с некоторой судорожностью попытаться предотвратить намеченные на определенные даты смерти. И это удалось.

В этой книге, уже куда более основательной, вы найдете прямые доказательства того, как на прекрасных и ранимых подростков давили модераторы «групп смерти». И эти действия в ходе экспериментов подтверждены.

Подвиг людей, создавших ту публикацию и эту книгу, не только в том, что родители повернулись лицом к своим детям, изумленно поняв, какую, полную драматизма, жизнь они ведут.

Подвиг их и в том, что Галя и ее помощники выдержали беспрецедентную, наглую, невыносимую травлю.

Самоназначенные судьи обвиняли Галю в том, что она этой статьей хочет заблокировать вначале «ВКонтакте», а потом и Интернет в целом.

Галю осыпали отвратительной бранью, оскорбляли ее, родителей погибших подростков. Приписывали тексту несуществующую в нем теорию заговора.

Мы долго не знали, как помочь Гале выбраться из этой боли, из расчетливого менеджмента трагедий и от взбесившейся, не хуже принтера, френдленты. Я видел, как на глазах владельцы

уютненьких аккаунтов превращались в лютую стаю, забивающую всех, кто сопротивляется «общему тренду». Гале и ее коллегам выпало тяжелое испытание — вырваться из своры и не побояться идти против «своего круга».

Оно того стоило. Только в первые дни после публикации на краю крыши удержали трех детей. Потом рассказывали о десятках, но я вижу тех троих, которые, уже швырнув вниз свои куртки, смогли спуститься вниз из бездны этих чердаков. В последнюю весну этого года.

*Дмитрий Муратов,
главный редактор «Новой газеты»*

Благодарности

Тема этой книги началась для меня со знакомства с удивительным человеком, легендарным следователем 1990-х (*он стал знаменит после расследования убийств, связанных с преступными группировками, серийным убийцей, и многих других резонансных дел*), поэтом, автором сценариев и консультантом многих детективных фильмов — **Дмитрием Плоткиным**.

Я благодарна прежде всего ему — с его письма в редакцию «Новой газеты» о серии странных смертей подростков в Рязани, которых объединяли в социальной сети группы, призывающие к суициду, все и началось. Все то время, что я находилась в Рязани, мы были с ним вместе: дома у родителей погибшей девочки, на подъездном балконе высотки, с которого она сорвалась, на встрече с другими родителями детей, ушедших из жизни при таких же обстоятельствах. Мы были с ним вместе, но уже только по телефону, и когда я вернулась в Москву — продолжали обговаривать новые повороты темы, которые прежде не видели, строили версии, проверяли их. Он меня все время торопил: «Фактов хватает, давай уже, — действует ОПГ! Пиши скорее... Надо, чтоб все подобные дела в стране объединили в одно и за дело бы взяли centralized, срочно».

Ситуация для меня была зажата в тиски двух необходимостей: с одной стороны, нельзя было сдавать текст, не понимая до конца, как работает этот чудовищный механизм доведения детей до суицида через Интернет, мне не хватало еще некоторых деталей и подробностей. С другой — это не было работой над материалом, который ты пишешь по факту уже свершившихся собы-

тий — события развивались в режиме реального времени — дети уходили из жизни один за другим, и у каждого из них на их страничках в соцсетях были те же «группы смерти». Поэтому, услышав и поняв меня, главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов и его заместитель Сергей Соколов приняли решение еще на этапе подготовки публикации отправлять всю важную информацию, связанную с угрозой жизни детям (по мере ее поступления), в следственные органы. Так мы и поступили — это было единственное возможное и правильное решение.

Но оно в итоге вынудило моего главного эксперта, когда текст был уже практически сверстан и до подписания номера с его публикацией оставались считанные часы, обратиться ко мне с просьбой: «Убери меня отовсюду, у нас возникло недоразумение, пока вынужден покинуть поле боя».

Как выяснилось позже, Москва в срочном порядке запросила дела погибших в Рязани детей, и, видимо, произошли еще какие-то события, из-за которых началось невероятной силы давление на Дмитрия Плоткина: «Что ты вечно поднимаешь шум, из-за тебя мы всегда в центре всех проверок», и т.д. Теперь же старший помощник прокурора Рязанской области Дмитрий Плоткин называть себя мне разрешил.

И восстанавливая справедливость, которая была нарушена в газетной публикации «Группы смерти», без него бы не состоялась, но в которой пришлось стереть все упоминания о нем, я хочу поблагодарить именно первым — Дмитрия Плоткина. Потому что и эта книга, в основе которой — газетная публикация, без него не была бы возможной.

Как не была бы также возможной без двух его удивительных земляков, сильных и мужественных Елены Давыдовой и Сергея Пестова, которые, похоронив своих детей, как только слегка оправились от горя, взялись за собственное расследование. Время летит быстро — был момент, когда всем казалось, что этих людей никогда и никто не услышит, что они выдумывают все про какие-то «группы смерти», потому что «сами виноваты». Но они не сдавались, не прекращали работу, не давали себе передышку — внедрялись в аккаунты опасных групп, приходили к следователям, буквально вынуждали их по никам определять местонахождение родителей детей, которым, по их данным, грозила опасность. К августу 2016 года в Рязани уже появился Центр «Спасение детей от киберпреступлений» (сайт <http://62ru.ru>), вокруг которого объединились десятки родителей погибших детей со всей страны. При помощи организации, стихийно возникшей буквально у нас на глазах, уже удалось предотвратить 33 суицида, в одном случае девочку удалось спасти в последний момент...

Конечно, эта книга не получилась бы без «Новой газеты» — без уже упомянутых главного редактора Дмитрия Муратова и его

заместителя Сергея Соколова — моих вдохновителей и постоянных собеседников, подаривших возможность и бесценное время для создания книги. Я благодарю сотрудников редакции и авторов «Новой газеты», которые в той или иной степени меня поддерживали: Эльвиру Горюхину, Анечку Артемьеву, Костю Полескова, Лену Милашину, Дмитрия Быкова, Сергея Кожеурова, Виталия Ярошевского, Юлию Латынину, Ирину Гордиенко, Нину Петлянову, Олега Хлебникова, Леонида Никитинского, Андрея Липского, Ольгу Боброву, Лену Костюченко, Лешу Сухотина, Руслана Дубова, Люду Рыбину, Юлю и Алексея Полухиных, Наташу Чернову и многих других, практически всех.

Спасибо за вовремя сказанные слова, которые часто бывают, как ложка, «хороши к обеду», — я чаще всего вспоминаю совершенно потрясающий наш «телемост» с Ирой и Володей Умновыми, книга точно бы не появилась без этого многочасового ночного разговора.

Я хочу поблагодарить многих моих коллег, друзей и близких родных, а также экспертов из смежных областей, познания которых мне были необходимы: Тимура и Лилию Мурсалиевых, Айю Тимофееву, Сашу Швыдкого, Андрея Курпатова, Елену Рыковцеву, Ирину Воробьеву, Вику Чуткову, Наташу Савоськину, Оксану Лаврову, Ольгу Алленову, Арину Бородину, Леру Любимову, Елену Богуш, Лешу Кашеева, Чулпан Хаматову, Дмитрия и Леву Леонтьевых, Александра Покрышкина, Александра Асмолова, Елену Смирнову, Катю Чистякову, Виктора Кагана, Сашу Бабкину, Александра Кошкина, Леонида Кроля, Анну Ставицкую, Степана Киселева. Я понимаю, что могу неблагодарно забыть некоторых из тех, кто заслуживает благодарности, и заранее приношу им свои извинения. Но я точно не могу забыть, как Дина Корзун в самый трудный мой день рождения, когда книга «не шла», да и сама суть темы была выворочена наизнанку, спела мне из Лондона поздравительную песенку, от начала и до конца, — по телефону.

Я безмерно благодарна своей семье, которая не просто терпела с апреля по середину августа рядом с собой человека, у которого на уме были только смерти подростков, а превратилась в мобильный отряд деятельных помощников. Каждый наш совместный разговор превращался для меня в мощный интеллектуальный импульс и давал прилив большой творческой энергии.

И, конечно, я не могу здесь не сказать об удивительной армии волонтеров, которая образовалась у меня после выхода газетной публикации «Группы смерти», — молодых психологах, юристах, программистах, я даже не возьмусь здесь перечислить всех, кто помогал, — это перечисление может занять добрую половину книги. Спасибо им.

Часть первая

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Вместо пролога

Есть, наверное, смысл прежде всего поделиться с вами цитатой. Я все время держала ее в голове, когда работала над газетной публикацией, которую вы сейчас, в этой же части книги, сможете прочитать. Она — о зазеркалье, смертельной радиоактивной свалке, прикинувшейся детям «Лас-Вегасом». Туда подросткам, конечно же, хотелось зайти — все блестело и сверкало, крутилось, переливалось яркими разноцветными огнями. Море новой запретной информации, море взлетающих синих китов, море неизведанных будоражащих сильных впечатлений.

Зайти было легко — не надо отпрашиваться у родителей, ты дома, включил свой гаджет и ушел в ту часть пространства Интернета, где твоими чувствами и настроениями интересуются молодые, но взрослые люди — они тобой занимаются. Они — чужие взрослые, и им при этом вдруг почему-то важно, что с тобой происходит, — это такая редкость. Так хочется их поразить, чтобы они не утратили интерес именно к тебе. Они учат: вокруг тьма беспросветная, безнадега, «сотри случайные черты, и ты увидишь мир...» Что? Прекрасен? Забудь это слово, оно для «биомусора» — мир ужасен! Посмотри наше видео, послушай песни, почитай цитаты, лови! Слышишь: все великие говорили о смерти, суицид — это выход для избранных. Ты можешь стать избранным...

Вместе с родителями погибших детей я провела в этом зазеркалье месяц. А когда рассказала об этом в газете — на меня с совершенно неожиданной стороны выскочило зазеркалье № 2.

Цитата, которую я все время держала в голове, длинная, но ее не стоит ни сокращать, ни пересказывать. В зазеркалье сдвоенном она стала еще актуальнее: «...Жил-был злой-презлой тролль. Как-то раз у него было прекрасное настроение: он смастерил зеркало, обладавшее удивительным свойством. Все доброе и прекрасное, отражаясь в нем, почти исчезало, но все ничтожное и отвратительное особенно бросалось в глаза и становилось еще безобразнее. Тролли носились с этим зеркалом повсюду... захотелось им добраться и до неба. Чем выше они поднимались, тем сильнее оно кривлялось, так что они еле удерживали его в руках. Но вот они взлетели совсем высоко, как вдруг зеркало до того перекорежило от гримас, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось на миллионы, миллиарды осколков, и оттого произошло еще больше бед... Некоторые осколки, с песчинку величиной, разлетаясь по белу свету, попадали людям в глаза да так там и оставались. А человек с таким осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи только дурное — ведь каждый осколок сохранял свойство всего зеркала. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце делалось как кусок льда. Были среди осколков и большие — их вставили в оконные рамы, и уж в эти-то окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, и худо было, если такие очки надевали для того, чтобы лучше видеть и правильно судить о вещах...» (Ганс Христиан Андерсен. Снежная королева.)

Первыми разносчиками вируса осколков в зазеркалье № 2 стали представители части электронных СМИ, то есть именно те люди, кто так или иначе общественное мнение и формирует. Ужимки их, кривлянья и гримасы, замешанные на каких-то собственных, невыносимых чувствах, комплексах, фобиях, местами даже параноидальных устремлениях, выплеснулись, выпали осадками (осколками) в публичное пространство.

Первая публикация на тему, прежде табуированную, о сложном, многомерном явлении, невероятно тяжелом по эмоциональной нагрузке, изложенная в редком объемном для газеты формате, — на восьми полосах, требовала как минимум какой-то рефлексии и как максимум — изучения, а потом — обдумывания. Но вирус ее обесценивания, отрицания самой сути явления вбросился (или выбросился?) практически мгновенно, громко, ретиво, бесстыдно и агрессивно. По законам джунглей — сначала ударь, потом получишь голос... трафики, лайки, деньги.

Ударили вполне себе грибоедовские «княгини марьи алексевны» и «первые парни» части модных тусовок Москвы, сетевые павлины. Тысячи подписчиков в Интернете давно уже делегировали им все права на собственное мнение. Они для них гуру.

И началось стремительное заражение: в публичном пространстве поселилось «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй...». Оно встало на границе с «зазеркальем № 1» и выдвинуло против посягательств на «группы смерти» сразу десяток пунктов (или пунктиков?) обвинений (или защит?) автору публикации. Топтало, рычало, винило, судило, лечило, учило, сетовало, советовало.

Родителям, похоронившим своих детей-подростков, выговаривало: «Вы и убили-с».

Глава 1

ВТОРЖЕНИЕ

«...Если общество или класс лишены возможности использовать свои прозрения, потому что объективно у них нет надежды на изменение к лучшему, скорее всего, все люди в таком обществе настаивают на своих домыслах, поскольку осознание истины приводит к ухудшению их самочувствия».

*Эрих Фромм,
из книги «По ту сторону
порабощающих нас иллюзий»*

«...Отрицание — защита от той реальности, которая не вписывается в нашу картину мира. Жесткая интервенция «НГ» («Новой газеты». – Г.М.) заставила смотреть в эту сторону. Ну и что же мы можем в ответ? В основном торжественно объявить, что факты, описанные в журналистском очерке, опасны для нас и детей. О наркотиках тоже долго молчали. Слишком уж радикальная отрывка рунета, знаете ли, требует от нас всех найти объяснение произошедшему...»

*Оксана Лаврова, психоаналитик,
20 мая в 12.28
(Из комментариев в Фейсбуке
к обсуждению поста
по теме «Группы смерти»)*

«...Что дальше происходит в квартире № 50?.. Словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал...»

*Михаил Булгаков,
из книги «Мастер и Маргарита»*

Это все началось вечером в день выхода публикации, когда количество ее прочтений превысило миллион. Число перепостов в социальных сетях приближалось к этой же цифре, и шла невероятная волна благодарности и восхищения работой.

...Они выскочили, как мелкие хулиганчики: «А? Что? наших бьют? Сейчас соберу своих». И пришли с битами — «да тьфу, ха-ха, — это никакое не расследование. Вот я за два часа во всем разобрался». (Стараюсь передать только смысл, опуская нецензурные выражения.)

В этой же лексике бывшего министра обороны РФ Павла Грачева, вошедшего в историю крылатой фразой, что он сможет взять Грозный «за два часа одним полком», следом изъяснились еще несколько человек: «Месяц Галина Мурсалиева разбиралась! Мне понадобилось всего 3 часа...», « а я вообще за час разобрался, делов-то... безобразная публикация».

Настаивая практически на том же — публикация плохая, ужасная, вредная, редактор «Медузы» Иван Колпаков в качестве одного из аргументов сообщил, что в его издании материал о суицидах готовился 6 месяцев и редактировался несколько недель.

— Ну как, правильно? — слышался мне голос за кадром, всегда забавно сопровождающий одну из передач «Эха Москвы».

...В отличие от стихийных бедствий в сетях возможно все, — все сразу и началось — камнепад, лавина, селевые потоки. Зеркало тролля разбилось.

Уже ранним утром следующего после публикации дня человек, с которым я не знакома лично, фиксрует на одной из веток в Фейсбуке (просто глаз зацепился):

«В фб тренд — не доверять этой статье.

Я — мама почти подростка, и читать это страшно. Даже если допустить, что преувеличе-

но. Я вчера забила «кит» Вконтакте и увидела эти группы, много, в некоторых — 200 тысяч участников...»

Марьяна Романова

Знаете (или, может быть, помните), как обесценивали? Например, зеркально: «Эта публикация вся состоит из конспирологических ходов с элементами мистики». Если предложение продолжить вопросом «или публикация рассказывает о конспирологических ходах с элементами мистики, с помощью которых детей заманивали в «группы смерти» и подстрекали (подводили) к суициду?» — все сразу встает на место. По этой же модели легко выправляются еще очень многие утверждения, как будто вы подставляете липкую ленту и удивляетесь, разглядывая, сколько же сразу прилипло мух.

Ты рассказываешь о чудовищном, ужасном, манипулятивном, безобразном, диком пространстве, в котором детей на протяжении длительного времени (50 дней) пичкают крипастой, ввергают в состояние, которое уже не совместимо с жизнью. Тебе говорят — эта публикация — крипаста! Она чудовищная, ужасная, манипулятивная, безобразная, дикая. «Сама ду-р-ра, р-рр...»

Они правда рычали. По ощущениям моим это было похоже на момент, когда мы с фотокорреспондентом Сергеем Кузнецовым уже вошли в ворота и оставалось только пройти небольшую дорожку к дому «бренда» русского фашизма, Баркашова: «...Нас оглушили многоголовым, захлебывающимся лаем. Мы прошли несколько шагов, ошеломленно оглядываясь. Справа, сзади и, кажется, вообще всюду клетки... Собаки яростно рвутся наружу. В какой-то момент мне кажется, что сила овчарская может оказаться мощнее клеток, и я тут же ускоряю шаг...»

Это 2006 год, тогда впервые и «зацвела пышным цветом» в публичном пространстве модель зеркальных антitezисных защит, только в связи с другой темой. (См. «Ультраправославные» <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/31n/n31n-s02.shtml>)

...Я рассказывала в публикации, в частности, «о судебных днях», которые назначались детям «группами смерти» — «группы коллег» устроили реальные судебные дни мне. Это было вторжение.

— А чего же ты хотела, ты же первой вторглась на их территорию, — сказал мне по телефону бывший коллега, давно ушедший из журналистики в бизнес.

— На чью?! — изумилась я.

По всем моим самым запредельным возможностям мыслимых представлений, я вторглась на территорию преступного мира. Да, это было вторжение — или интервенция. «Новая газета» вытацила на свет всю систему действий этих упырей, эмоционально дефективных ублюдков, затянувших в свои сети жизни детей. При чем здесь журналисты сетевых изданий?

— Интервенция была и на их территорию тоже. Ты просто срезала сук, на котором они сидели, разве это не понятно? Наступила на хвост интернетчикам, да и психологам, специалистам по детству, — они же, как я вижу, тоже присоединились, хоть и в меньшем количестве

— При чем здесь их «сук» и «хвосты», они что, тоже подстрекали детей к суициду?!

— Нет, конечно! Посмотри на массу «войск», которые пошли мочить, подумай, кто их отправлял, скомандовал — «пора»? Вольно или не вольно, — не важно, окриком, вызовом, своим постом, кто это делал? Те, кто по профессиональным своим обязанностям должен был это все видеть и знать, должен был об этом говорить. Но все молчали. Не видели, не слышали или знали и молчали — опять же другой вопрос. Тема оставалась